ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

Допрос свидетеля Карелина В. А.*)

Вышинский. Свидетель Карелин, вам приходилось в 1918 году, будучи членом ЦК партии «левых» эсеров, вести переговоры с Бухариным?

Карелин. Да, приходилось.

Вышинский. Можете сказать где, когда, по какому поводу вы с Бухариным встречались? И, во-вторых, в чем заключалось содержание ваших разговоров во время этих встреч?

Карелин. В качестве члена ЦК партии «левых» эсеров я встретился первый раз с Бухариным во второй половине ноября 1917 года.

Тогда Бухарин приехал из Москвы в Петроград для того, чтобы на заседании ВЦИК делать отчет об октябрьском восстании в Москве. Эти дни мне и пришлось вести разговор с Бухариным относительно позиции группы «левых коммунистов», которая нас тогда очень интересовала. Мы выяснили тогда—я говорю мы потому, что несколько лиц из ЦК партии «левых» эсеров вели эти переговоры.

Вышинский. Кто это—мы?

Карелин. Камков, Прошьян и я. Нам были поручены ЦК такого рода переговоры. В этом разговоре Бухарин занял совершенно определенную позицию. Мне запомнилась фраза его относительно того, что группа «левых коммунистов», тогда это отождествлялось организационно с московским областным бюро коммунистов,—возьмет под свой контроль действия ЦК коммунистической партии. Это говорилось в том смысле, что будет обеспечена линия на срыв мирных переговоров. Этот вопрос как раз и интересовал нас—«левых» эсеров. В декабре эти переговоры уже были сильно заострены на чисто практическом вопросе. Ведь тогда как раз велись переговоры в Бресте. Мы знали и в частности по той информации, которая давалась Прошьяном, о том, что в ЦК коммунистической партии чрезвычайно усилились разногласия. Мы знали, что Троцким выдвинута была тогда формула, что мира не заключаем и войны не ведем.

Вышинский. Как сложился блок «левых» эсеров с «левыми коммунистами»?

Карелин. Блок этот можно было считать заключенным уже в декабре 1917 г. В январе ЦК «левых» эсеров проявил определенную инициативу не только в переговорах, ведшихся с Бухариным, но и с рядом других лиц. Переговоры велись с Пятаковым, с Радеком, а с нашей стороны вели переговоры Натансон, Камков, я и Прошьян. Об этих переговорах все мы отчитались на ЦК «левых» эсеров. Известно было из этих переговоров, что позиция «левых коммунистов» в этот период определялась чрезвычайно резко и была позицией замены правительства. В переговорах, которые велись в период февраля «левыми коммунистами», подчеркивалась снова та же самая мысль относительно необходимости свержения советского правительства и замены его новым. Мыслилось коалиционное правительство в составе «левых» эсеров и «левых коммунистов». В этих переговорах позиция Бухарина сводилась к тому, что их группа считает необходимым выждать результатов VII партийного с'езда. Смысл этой выжидательной позиции заключался в том, что «левые коммунисты» в лице Бухарина рассчитывали, что им удастся завоевать большинство на VII партийном с'езде... Таким образом, выступление было отсрочено до выяснения результатов VII партийного с'езда, хотя в этот период позиция Бухарина была совершенно четкой, и в той информации, которую давал Прошьян на заседании ЦК «левых» эсеров, говорилось, что Бухарин стоит на точке зрения свержения советской власти, не останавливаясь даже перед физическим уничтожением вождей советского правительства и партии.

Вышинский. То-есть, не останавливаясь перед убийством руководителей партии и правительства?

Карелин. Ну да, перед физическим уничтожением или убийством.

Вышинский. Кого именно?

Карелин. Говорилось о вождях и говорилось персонально относительно Ленина, Сталина и Свердлова.

Вышинский. Об этом вас информировал кто?

Карелин. Прошьян.

Вышинский. А вы лично с Бухариным об этом говорили?

Карелин. Да, у нас был разговор на эту тему. Речь идет о разговоре, бывшем у меня с Бухариным после окончания заседания Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в апреле 1918 г. На этом заседании Владимир Ильич Ленин делал известный доклад «Об очередных задачах советской власти». По поручению Центрального Комитета партии «левых» эсеров на этом заседании я выступил с очень резкой речью, в которой заострил вопрос на тех пунктах, которые тактически были согласованы между «левыми» эсерами и «левыми коммунистами»...

Вышинский. Значит, вы выступали против Ленина по предварительному соглашению «левых коммунистов» с «левыми» эсерами?

Карелин. Да, по предварительному соглашению «левых коммунистов» и «левых» эсеров, хотя не именно по данному выступлению...

Вышинский. Говорил ли вам Бухарин при этой встрече о том, что необходимо прибегнуть к физическому уничтожению Ленина и Сталина?

Карелин. Он говорил о том, что необходимо предпринять прямое действие, не останавливаясь перед физическим уничтожением.

Вышинский. Скажите, «лево»-эсеровский мятеж был произведен вами в результате предварительных переговоров по этому поводу с «левыми коммунистами»?

Карелин. «Лево»-эсеровский мятеж, происшедший в начале июля 1918 года, явился результатом прямой инициативы ЦК «левых» эсеров, при чем считали установившимися отношения блока между «левыми коммунистами» и «левыми» эсерами.

В конце июня 1918 года, когда все диспозиции были даны, когда в конце концов был выработан четкий организационный план, разработанный «лево»-эсеровским ЦК, я в последней декаде июня в первом Доме Советов вел переговоры с Бухариным.

Вышинский. О чем?

Карелин. Относительно предстоящего выступления.

Вышинский. Говорили о предстоящем мятеже «левых» эсеров?

Карелин. Конкретно в данном случае не говорилось, когда будет это выступление, не упоминалось числа. Но в этом разговоре Бухарин ссылался на те переговоры, которые у него в этот же период времени шли с Прошьяном, о которых Прошьян докладывал ЦК «левых» эсеров. В частности, в организационный план «лево»-эсеровского мятежа входил—как первое звено—террористический акт против германского посла Мирбаха.

Прошьян говорил о том, что при разговоре с Бухариным последний сказал, что этот план срыва мира и этот акт убийства Мирбаха вообще эффектен и эффективен.

Вышинский. Бухарин говорил о том, что убийство посла...

Карелин. Террористический акт против германского посла Мирбаха является эффектным и эффективным шагом для срыва Брестского мира.

Вышинский. Имело ли какое-нибудь отношение к плану убийства Ленина, Сталина и Свердлова покушение на Ленина эсеровской террористкой Каплан 30 августа 1918 года?

Карелин. Да, в результате июльского мятежа «левых» эсеров было то, что «левые» эсеры чрезвычайно быстро пошли по пути установления организационного контакта с правыми эсерами.

И вот, в этот период Прошьян, который ведал делами боевой организации «левых» эсеров, ссылаясь в докладе Центральному Комитету партии «левых» эсеров на то, что со стороны Бухарина настойчивость, проявлявшаяся ранее по вопросу относительно террористического акта, чрезвычайно усилилась и, должен сказать, что Центральный Комитет «левых» эсеров, хотя это в течение почти 20 лет было под спудом и завуалировано, конечно, был определенно в курсе этих событий.

Вышинский. Значит ЦК партии «левых» эсеров был в курсе подготовлявшегося убийства Ленина?

Карелин. Да.

Вышинский. А Бухарин при чем тут?

Карелин. Бухарин, по сообщению Прошьяна, ведшего с ним переговоры, носившие официальный характер, форсировал вопрос о совершении террористического акта. Группа «левых коммунистов», будучи разгромленной, стала на точку зрения прямой борьбы, не останавливаясь перед самыми решительными средствами, вплоть до террористических актов.

Вышинский. Так что вы подтверждаете, что подготовлявшееся правыми и «левыми» эсерами покушение на жизнь Владимира Ильича Ленина было организовано совместно с Бухариным?

Карелин. С «левыми коммунистами». Бухарина мы рассматривали как лидера «левых коммунистов».

Вышинский. На предварительном следствии вы говорили, что 20 лет скрывался от советского народа тот факт, что вы совместно с правыми эсерами, по настоянию Бухарина, пытались убить Ленина. Вы это подтверждаете?

Карелин. Я подтверждаю, что настояние со стороны Бухарина, как лидера группы «левых коммунистов», было. Эти настояния играли очень большую роль при осуществлении всего этого преступления.

Вышинский (к суду). Позвольте задать вопрос Осинскому. Свидетель Осинский, скажите, пожалуйста, какие у вас имеются данные о причастности Бухарина к покушению на жизнь Владимира Ильича Ленина в 1918 году?

Осинский. В конце 1918 года у нас со Стуковым зашел разговор о состоянии Ленина после его ранения террористкой Каплан. Стуков по этому поводу сказал следующее: а знаете ли вы, что выстрел Каплан является не только результатом директивы, данной центральным комитетом партии правых эсеров, но также прямым результатом тех мероприятий, которые были в свое время намечены блоком для свержения правительства, и в частности установки на умерщвление вождей правительства.

Вышинский. Следовательно, вам Стуков говорил о том, что выстрел правой эсерки Каплан в Ленина являлся результатом тех установок и тех организационных мероприятий, которые в свое время были разработаны, приняты и проведены—кем?

Осинский. Блоком.

Вышинский. Каким?

Осинский. Начиная от «левых коммунистов» и кончая «левыми» эсерами.

Вышинский. И Бухарин здесь выступал как руководитель группы «левых коммунистов»?

Осинский. Совершенно правильно.

*) Сокращенная стенограмма.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 8 МАРТА

Допрос подсудимого Левина

Председательствующий Ульрих. Подсудимый Левин, показания, данные на предварительном следствии, вы подтверждаете?

Левин. Подтверждаю.

Вышинский. Подсудимый Левин, расскажите, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Ягодой и каковы были результаты вашей близости к Ягоде?

Левин. С Ягодой знакомство началось у меня еще с начала 20-х годов. Я лечил покойного Дзержинского, Менжинского. Встречался от поры до времени с Ягодой и оказывал ему медицинскую помощь. Более частые встречи с ним стали устанавливаться у меня примерно с 1928 года, в связи с переездом в Москву А. М. Горького.

Я, как постоянный врач А. М. Горького, бывал у него чрезвычайно часто. Он жил за городом, под Москвой. Одновременно в этом доме также часто бывал Ягода. Там мы часто встречались. В то же время участились и мои посещения Ягоды у него на дому или на даче. Таким образом устанавливалось все более близкое знакомство.

Нужно сказать, что Ягода относился ко мне очень хорошо, проявляя разные признаки внимания. Эти признаки внимания с его стороны мне льстили.

Вышинский. В чем выражалось это внимание?

Левин. Ну, например, у него были прекрасные цветы, оранжерея и он посылал мне цветы, посылал очень хорошее французское вино, предоставил мне в собственность дачу в подмосковной местности, где я и проживал в течение 5—6 лет в летние месяцы со своей семьей.

Вышинский. Оказывал Ягода вам содействие в ваших поездках за границу, устраняя различные таможенные формальности?

Левин. Да, он давал знать на таможню, что меня можно пропустить из-за границы без осмотра.

В 1932 году Алексей Максимович решил совсем переехать в Москву со всей своей семьей. В составе семьи был его сын Максим Алексеевич Пешков. В начале 1933 года, зимой, во время одного из моих посещений Ягоды, во время прогулки у него на даче, он начал со мной разговор, к которому несколько раз потом возвращался, разговор относительно сына Алексея Максимовича—Максима Алексеевича Пешкова.

Во время одной такой беседы он и сказал мне: Видите ли, Макс, как он его называл, не только никчемный человек, но и оказывает на отца вредное влияние. Отец его любит, а он, пользуясь этим, создает нежелательное и вредное окружение в доме у Алексея Максимовича. Его необходимо убрать. Нужно сделать так, чтобы он погиб.

Вышинский. Значит его убить?

Левин. Конечно.

Вышинский. И Ягода предложил вам осуществить это дело?

Левин. Он сказал: «Вы должны нам в этом помочь. Учтите, что не повиноваться мне вы не можете, вы от меня не уйдете. Вы обдумайте, как можете сделать, кого можете привлечь к этому. Через несколько дней я вызову вас». Он еще раз повторил, что невыполнение этого грозит гибелью и мне и моей семье. Я считал, что у меня нет другого выхода, я должен ему покориться. Так шел 1933 год. Он меня торопил.

Вышинский. Кто он?

Левин. Ягода. В это время возник у него новый замысел. При встречах Ягода часто спрашивал меня о состоянии здоровья Вячеслава Рудольфовича Менжинского, тогдашнего председателя ОГПУ, который тогда тяжело хворал. В октябре или ноябре он меня опять спросил:—«Как здоровье Менжинского?». Я сказал, что, по моим сведениям, очень плохо. Ну, он говорит: «Зачем же тянуть? Он обреченный человек».

Вышинский. Не говорил ли вам Ягода о том, что необходимо убить Менжинского?

Левин. Говорил.

Вышинский. И вы тогда сказали, кого для этого нужно привлечь?

Левин. Доктора Казакова.

Вышинский. Почему именно Казакова?

Левин. Он лечил лизатами, а лизаты приготовлял Казаков сам у себя в лаборатории.

Вышинский. Значит, он мог приготовить все, что угодно?

Левин. Приготовить такие лизаты, которые бы не помогали, а вредили.

Вышинский. Это равносильно яду.

Левин. Совершенно верно.

Вышинский. А Ягода, что сказал?

Левин. Он сказал, что с Казаковым он поговорит и директиву даст. Когда я увиделся с Казаковым в конце 1933 года, я узнал, что его вызывал Ягода для беседы, он знает, что делать.

Вышинский. Обвиняемый Казаков, вы подтверждаете показания Левина сейчас?

Казаков. В основном, подтверждаю.

Вышинский. Подсудимый Ягода, давали вы поручение Левину о вызове к себе Казакова для разговора?

Ягода. Я этого человека вижу в первый раз здесь.

Вышинский. Значит, такого поручения вы Левину не давали?

Ягода. Я давал поручение Левину переговорить...

Вышинский. С кем?

Ягода. С Казаковым, но сам лично его не принимал. Я давал Левину поручение об умерщвлении Алексея Максимовича Горького и Куйбышева и только.

Вышинский. А насчет Менжинского?

Ягода. Ни Менжинского, ни Макса Пешкова я не умерщвлял.

Вышинский. Казаков, вы были вызваны к Ягоде?

Казаков. Да, 6 ноября 1933 года в три часа дня. Ягода меня встретил и спросил: «Как вы находите здоровье Менжинского?». Я сказал, что здоровье Менжинского сейчас, после перенесенных припадков бронхиальной астмы, находится в тяжелом состоянии. Дальше он меня спросил: «А говорили вы с Левиным?». Я ответил: «Да, говорил». «Так что же вы умничаете, — заявил Ягода, — почему бы не действуете?». Ягода пришел в буквальном смысле слова в ярость и сказал мне: «На Менжинского все махнули рукой, вы зря возитесь с ним. Жизнь его никому не нужна, всем мешает. Я вам предлагаю вместе с Левиным выработать такой метод лечения, при котором можно было бы скорее закончить жизнь Менжинского. Имейте ввиду, что если вы попытаетесь не подчиниться мне, то я сумею вас быстро уничтожить».

Вышинский. Что же вы ему ответили?

Казаков. Я совершенно растерялся. Из страха я подчинился. Я сказал, что повидаюсь с Левиным.

В конце декабря я с ним виделся.

Вышинский. Продолжайте, подсудимый Левин.

Левин. В результате наших совместных вредительских действий Менжинский умер 10 мая 1934 года; а на следующий день — Максим Алексеевич Пешков. Эти преступления были совершены. Через несколько дней после похорон В. Р. Менжинского и М. А. Пешкова меня снова вызвал к себе Ягода и сказал: «Ну вот, теперь вы совершили эти преступления, вы всецело в моих руках и вы должны итти на то, что я вам сейчас предложу, гораздо более серьезное и важное. Я вас предупреждаю, что то, что я вам сейчас поручу, для вас так же обязательно, как в отношении прежних моих поручений». Затем он стал говорить мне о том, что в партии крепнет, растет большое недовольство партийным руководством, что смена власти неизбежна, предрешена и неминуема, что во главе движения стоят Рыков, Бухарин и Енукидзе. И так как это неизбежно, так как это все равно произойдет, то чем скорее это произойдет, тем лучше. «А для того, чтобы это скорее произошло, для того, чтобы облегчить этот процесс, нам нужно устранить с политической арены некоторых членов Политбюро, а также Алексея Максимовича Горького. Это есть историческая необходимость. Вы должны теми средствами, которые в ваших руках, помочь нам. Скажите, кого вы можете взять на себя, кроме Алексея Максимовича Горького?». Через несколько дней я снова был у Ягоды и сказал ему, что я вынужден выполнить и эту его директиву. В этом разговоре Ягода добавил: «Алексей Максимович — человек очень близкий к высшему партийному руководству, человек очень преданный той политике, которая ведется сейчас в стране, очень преданный лично Иосифу Виссарионовичу Сталину, человек, который никогда не изменит, никогда не пойдет с нами то пути. А вы знаете, с другой стороны, каким авторитетом пользуется слово Горького у нас в стране и далеко за ее пределами, каким влиянием он пользуется и как много вреда он может сделать своим словом нашему движению».

«Нужно вам решиться на это, — сказал он, — и вы пожнете плоды при приходе новой власти».

Когда Ягода меня спросил, кого я мог бы еще наметить, я ему сказал, что это можно осуществить по отношению к такому человеку, который часто болеет, который нуждается в частой медицинской помощи, к члену Политбюро — Валериану Владимировичу Куйбышеву. Я могу привлечь Дмитрия Дмитриевича Плетнева, который знал Валериана Владимировича. Оба мы его знали лет двенадцать. Дмитрий Дмитриевич Плетнев настроен антисоветски и он легче пойдет, чем кто-либо другой. Ягода сказал: «Хорошо, я поговорю сам. Вы предупредите Плетнева, что я вызову его и сам поговорю. Кроме того, во всем, что касается Алексея Максимовича, Крючков может помочь, а в отношении Валериана Владимировича в курсе будет его секретарь Максимов».

Не желая применять остродействующих отравляющих веществ, мы действовали неправильным лечением.

Вышинский. Кто это «мы»?

Левин. Я, Плетнев, Виноградов, Казаков. Все, которых я вам уже называл.

Вышинский. Этот план вы разработали самостоятельно или с кем-нибудь из названных лиц?

Левин. План в отношении Алексея Максимовича Горького и Валериана Владимировича Куйбышева я разрабатывал с профессором Плетневым. План в отношении Вячеслава Рудольфовича Менжинского — с Казаковым.

Вышинский. Подсудимый Плетнев, вы разрабатывали подобного рода план с Левиным?

Плетнев. Да.

Левин. Скажу о всех четырех случаях. Когда встал вопрос относительно умерщвления Максима Пешкова, то здесь мы подготовили ослабление организма чрезмерным употреблением спиртных напитков.

Затем в ослабленном состоянии, в один очень жаркий день в апреле, а весна в том году в Москве была чрезвычайно жаркой, Макс разгоряченный, потный, по предложению Крючкова, который принимал участие в ослаблении организма Пешкова, был уложен на скамью недалеко от реки. Его обдувало ветром, он был потный, лежал без сорочки в течение двух часов. Ясно, что он простудился, заболел и через день обнаружилось крупозное воспаление легких. Я пригласил Плетнева на консультацию, мы были с ним два раза и видели, что течение болезни тяжелое. Об этом же знал и А. И. Виноградов, который был приглашен в качестве дежурного врача. Ухудшило течение этой болезни то, что были устранены те средства, которые могли принести большую пользу для сердца, и, наоборот, давались те, которые ослабляли сердце. И в конце концов, как я уже говорил, 11 мая, после воспаления легких он погиб. Вот как произошло наше первое вредительство.

Перехожу ко второму случаю—умерщвлению Вячеслава Рудольфовича Менжинского. Мы довольно редко встречались с Казаковым у Менжинского. Он обычно приглашал то меня, то Казакова.

Есть две системы лизатов, одна так называемая симпатикотропная, которая состоянию сердечной деятельности Менжинского, безусловно, вредила, и другая система — ваготропные лизаты, которые успокаивали сердце и были для него полезны.

Казаков стал давать ту систему лизатов и ту группу, ту смесь, которая вредит сердцу Менжинского. Учитывалось также, что комбинация лизатов с сердечными средствами могла привести к ускорению процесса, т. е., к ухудшению основного в состоянии здоровья — миокардита и грудной жабы,—что в свою очередь должно было привести к новым припадкам грудной жабы. Смерть Вячеслава Рудольфовича Менжинского и произошла от нового припадка грудной жабы.

Теперь, в отношении Куйбышева. Слабым местом в его организме было сердце, на которое был направлен наш удар. Мы знали о плохом состоянии его сердца в продолжение значительного периода времени. Он страдал поражением сосудов сердца, миокардитом, у него бывали небольшие припадки грудной жабы. Мы применяли в отношении Куйбышева возбуждающие сердце средства без перерывов в течение продолжительного периода времени, вплоть до его командировки в Среднюю Азию. Начиная с августа по сентябрь — октябрь 1934 г., он непрерывно получал вспрыскивание специальных препаратов эндокринных желез и другие средства, возбуждающие деятельность сердца. Это усилило и участило припадки грудной жабы. В таком болезненном состоянии он и уехал в Среднюю Азию. Там у него случилось непредвиденное острое заболевание — он заболел тяжелой формой ангины с нарывом в горле, и ему пришлось делать операцию. Куйбышев вернулся из командировки, не избавившись от ангины. Выслушивание его сердца показало, что оно находится в очень плохом состоянии. При таком состоянии больного нужно было

(Продолжение см. на 4 стр.)

ДНЕВНИК ВЕЧЕРНЕГО ЗАСЕДАНИЯ 8 МАРТА

На заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР вечером 8 марта был допрошен подсудимый Буланов, состоявший в течение многих лет личным секретарем подсудимого Ягоды. Буланов раболепствовал перед Ягодой, являлся его верным холопом, и Ягода посвящал его в заговорщические дела «право-троцкистского блока». Еще в 1931 году Ягода сообщил Буланову о своей принадлежности к правым, а в 1934 году изложил ему весь план заговора.

Со слов Буланова выясняется, что, готовя контрреволюционный переворот, заговорщики заранее делили между собой государственные посты. Сам Ягода метил в председатели Совнаркома. Енукидзе намечался заговорщиками на должность вице-председателя ЦИК, Тухачевский—на пост комиссара обороны. Бухарина и Рыкова право-троцкистская банда прочила в секретари ЦК партии, причем о Бухарине Ягода говорил: «Он будет у меня не хуже Геббельса». В разговоре с Булановым Ягода упоминал о наличии соглашения между «право-троцкистским блоком», с одной стороны, германскими и японскими агрессорами—с другой. Неоднократно Ягода передавал из государственных средств Буланову крупные суммы денег в иностранной валюте (по 20 тыс. долларов) для пересылки за границу Троцкому.

Буланов рассказывает далее о служебных преступлениях Ягоды. В должности руководителя ОГПУ—НКВД изменник Ягода плодил под своим покровительством контрреволюционных заговорщиков. Он покрывал троцкистов, зиновьевцев, меньшевиков, правых контрреволюционных бандитов всех мастей и оттенков. Арестованным право-троцкистским бандитам Ягода лично давал инструкции о том, как держаться при допросе: так было при аресте Угланова, Дрейцера и И. Н. Смирнова. В аппарате Наркомвнудела бандит Ягода развел шпионское гнездо: Буланов называет по имени ряд работников Наркомата, являвшихся германскими шпионами.

В беседе с Булановым Ягода недвусмысленно дал ему понять, что был в курсе подготовки убийства Сергея Мироновича Кирова. В дальнейшем Буланову стало известно, что Ягода организовал убийства Максима Горького, Куйбышева, Менжинского и М. А. Пешкова (сына А. М. Горького).

Буланов дает подробные показания о своем участии в подготовке покушения на жизнь товарища Н. И. Ежова. Злодей Ягода организовал опрыскивание квартиры тов. Ежова ядовитым веществом, которое должно было разрушающе подействовать на его здоровье. Когда тов. Ежов был назначен народным комиссаром внутренних дел, Ягода, перед тем как покинуть свое служебное помещение, осуществил опрыскивание кабинета наркома ядовитым веществом; опрыскивание производил Буланов. Впоследствии Буланов, оставшийся на работе в наркомате, неоднократно повторял такое опрыскивание кабинета тов. Ежова.

Опрошенный прокурором подсудимый Рыков признает, что через Енукидзе был осведомлен об организации покушения на жизнь М. Горького.

Суд переходит к допросу Ягоды.

Под тяжестью улик подсудимый Ягода признает совершенные им преступления, подтверждая все показания, сделанные им на предварительном следствии. Он показывает суду, что состоял в контрреволюционной организации правых с 1928 года. В связи с работой Ягоды в органах государственной безопасности, верхушка правых поставила перед ним задачу покрывать от провалов своих единомышленников—заговорщиков.

Ягода с готовностью пошел на измену своему служебному долгу. Он заявляет, что, именно благодаря его изменнической деятельности, «право-троцкистскому блоку» удалось столь длительное время вести свою контрреволюционную работу. На руководящие должности в аппарате ОГПУ—НКВД Ягода расставил своих сообщников. Ему было хорошо известно, что некоторые из участников группы правых в НКВД состояли «по совместительству» на службе в германской и других разведках; он покровительствовал их шпионской работе.

После прихода фашистов к власти в Германии «право-троцкистский блок» «взял ориентацию» на германский фашизм. Ягода четко, с холодным цинизмом формулирует задачи и методы «право-троцкистского блока». Эти задачи заключались в восстановлении капитализма в СССР путем свержения советской власти и убийства руководителей партии и правительства. Во имя этого «право-троцкистский блок» установил связь с другими контрреволюционными группировками: с меньшевиками и эсерами.

Подсудимый заявляет, что все террористические акты право-троцкистской банды осуществлялись по прямому решению центра «право-троцкистского блока». В вынесении этих решений принимали участие Рыков и Бухарин. В полном соответствии с этими решениями был убит Сергей Миронович Киров, были умерщвлены Максим Горький, Куйбышев, Менжинский.

При перекрестном допросе подсудимый Бухарин признает, что знал от Томского о подготовке «враждебного акта» против Максима Горького.

Последним допрашивается на вечернем заседании подсудимый Крючков, бывший секретарь М. Горького. Подсудимый признает свое непосредственное участие в злодейском убийстве сына Горького Максима Пешкова, а впоследствии—в убийстве самого великого писателя. Он детально рассказывает, как были организованы оба чудовищных убийства. Попутно этот изверг говорит о том, как он повседневно обманывал доверие М. Горького, растрачивая его деньги, плетя гнусные интриги в его семье.

Крючков признает свою политическую причастность к «право-троцкистскому блоку».

(ТАСС).